

ОСТИН (Austin) Джон (1911—1960) — британский философ и основоположник современной неформальной логики. С 1952 — профессор Оксфордского университета. Основные сочинения: «Истина» (1950), «Поводы для извинений» («Просьба простить») (1957), «Философские статьи» (1961), «Чувство и восприятие» (1962), «Как делать вещи из слов» (посмертно восстановленный и изданный в 1962 курс лекций О. памяти Джеймса, прочитанный в 1955 в Гарвардском университете) и др. (О. не закончил ни одной книги и не опубликовал ни одной статьи в философской периодике. Так, из 10 текстов посмертного сборника «Философские статьи» 4 были опубликованы в сборниках статей, 1 является записью радиовыступления, 5 — это доклады на заседаниях ученых сообществ.) В рамках собственной программы разработки оснований лингвистической философии О. проанализировал логическую структуру повседневного языка. О. не считал, что осмысление «обычного языка» является собой путь прояснения философских проблем: «...наш обычный запас слов воплощает все различия, которые люди сочли нужным провести, и все связи, которые они сочли нужным установить на протяжении жизни многих поколений». С его точки зрения, различия обычного языка более здравы, нежели «любое различие, которое мы с вами сообразим измыслить, посидев днем в своих креслах». Согласно предположению О., философия в статусе традиционной родоначальницы наук в ближайшее время иницирует новую науку о языке, как недавно она продуцировала математическую логику. С точки зрения О., проблема является философской постольку, поскольку она запутанна, — как только люди достигают ясности относительно какой-то проблемы, она «перестает быть философской и становится научной». Философские взгляды О. расходились с рядом подходов неопозитивизма. В частности, О. подвергает критике теорию «чувственных данных»;

Айера. По О., тезис о том, что то, что мы «непосредственно воспринимаем, суть чувственные данные» и идея, согласно которой предложения о чувственных данных суть безусловные основания знания, — ошибочны.

В первом случае он предлагает разграничить классическую «иллюзию» и «обман». Во втором — О. утверждает, что предложений одновременно безусловных по своей природе, непосредственно верифицируемых и доказательных в силу собственной очевидности — не бывает и быть не может.

Остин предложил своеобразный симбиоз философии и лингвистики — «лингвистическую феноменологию», в границах которой логические явления предлагалось рассматривать без отвлечения от их непосредственного содержания. По О., такая дисциплина должна изучать способы употребления естественного языка: если элементарным предметом «лингвистической феноменологии» служит

"утверждение" (statement), то соответствующим предметом логики является "предложение" (proposition). Последнее, согласно О., состоит из слов, первое же — "делается с помощью слов". Согласно мысли О., каждое "утверждение", произносимое кем-то, есть акт производства, который представляет собой своеобразное историческое событие, а именно — высказывание конкретным говорящим определенного "предложения", относимого к реципиенту (аудитории) с указанием на конкретное положение или же какую-то историческую ситуацию. Повседневное употребление слов "истинно или ложно" соответствует, таким образом, по О., "утверждению", а не "предложению". "Предложение" не может считаться истинным или ложным, поскольку оно посредством дескриптивной конвенции всякий раз сопоставлено типам событий. "Утверждение" же, посредством демонстративной конвенции, соответствует с известной долей неопределенности исторически меняющимся ситуациям.

Как полагал О., "утверждение" истинно тогда и только тогда, когда историческое положение дел, сопоставленное ему с помощью демонстративной конвенции, относится к тому типу, который с помощью дескриптивной конвенции соответствует "предложению", использованному для производства данного "утверждения". Дальнейший анализ понятия "утверждение" привел О. к различению последнего на "констатации" (constatives), или способы произнесения, в которых что-либо утверждается и потому к ним может быть применима оценка "истинно или ложно", и "перформации" (performatives) — способы произнесения, относящиеся к исполнению некоторого действия. Например, высказывание "я обещаю, что..." означает нечто большее, чем высказывание "я утверждаю, что...". Первый тип высказываний О. и назвал "перформативными" (первое публичное упоминание этого термина — 1950), в то время как второй он характеризует как "констатации". Традиционно полагалось, что "знание" есть название особого ментального состояния, — в качестве следствия из этого постулировалось, что говорить "Я знаю, что Z есть P", суть утверждать, что именно в этом ментальном состоянии я нахожусь в отношении к "Z есть P". Такой подход, по мысли О., базируется на "ошибке описания" — на предположении, что слова употребляются исключительно для описания.

Но, согласно О., утверждая, что я нечто знаю, я не просто описываю собственное состояние, но и осуществляю значимый шаг — даю другим слово, беру на себя ответственность за утверждение, что "Z есть P", аналогично тому, что "обещать" означает давать окружающим слово, что я сделаю S. (Именно разъяснение О. аналогии между "знанием" и "обещанием", обычно выражающейся утверждением, что "знание" есть перформативное слово, принято полагать его главным вкладом в философию.) По схеме О., утверждать, что "S истинно", означает утверждать, что "S соответствует фактам". "Соответствие" у О. могло описываться в терминологии дескриптивных конвенций (соотнесение слов с типами ситуаций) и демонстративных конвенций (соотнесение слов и предложений с действительными историческими ситуациями,

обнаруживаемыми в окружающей действительности). Позже О. отметил, что перформативные высказывания могут быть «удачными» или «неудачными» (но не «истинными» или «ложными»); констатирующие же высказывания могут быть «истинными» или «ложными». Последующая систематизация видов «утверждения» легла в основу созданной О. теории речевых актов. «Речевым актом» он называет такой процесс общения определенных индивидов, в котором помимо высказывания осмысленных выражений имеет место интерактивное воздействие коммуникантов друг на друга.

По мысли О., уровнями «речевого акта» как логико-содержательного комплекса являются: во-первых, локутивные акты, или локуции (locutions), — акты произнесения осмысленных «утверждений», или акты говорения самого по себе; во-вторых, иллокутивные акты, или иллокуции (illocutions), — то, что мы делаем в процессе произнесения слов, т.е. утверждаем, обещаем, приказываем и т.д.; в-третьих, перлокутивные акты, или перлокуции (perlocutions), — интеракциональный эффект, достигаемый посредством говорения, т.е. действия убеждения, запугивания и т.д., некое влияние, оказываемое на слушающего (реципиента). (Все глаголы О. подразделил на 5 групп в соответствии с их иллокутивной силой.) С точки зрения О., в высказываниях типа «я утверждаю, что...», «Джон обещает, что...», «она угрожает, что...» левая часть представляет локутивный акт, правая — иллокутивный, а само высказывание в целом, если его действие достигает реципиента, — перлокутивный акт. Отсюда, по О., иллокуция может быть эксплицирована с помощью слова «этим»: «я этим приказываю тебе», «я этим обещал ему» и т.д.

В «речевом акте» можно также выделить нулевой уровень — акт высказывания, назначение которого состоит в символизации, в производстве слов и предложений. Локутивный акт призван выполнять референциальную функцию.

Иллокутивный — наделяет «утверждение» коммуникативной силой, придавая ему определенную ценность в модусах обещания, утверждения и т.д. К иллокутивному комплексу, по О., относятся ассертивы (тезисы и аргументы), декларативы (дефиниции, задающие определенные правила коммуникативного использования выражений), директивы (вопросы) и т.д. Устойчивое сочетание иллокуций с соответствующими перлокуциями формирует коммуникативную общность — некую «языковую игру». Убежденность О. в том, что значение живет в целостности дискурса и конституируется конвенциональными правилами контекста, вступала в определенное противоречие с логоцентристской по духу концепцией значения у Соссюра, фундированной идеей присутствия. Тем не менее, как позже отметил Деррида, теория О. также осталась в плену у скрытых логоцентристских установок. Логическая стратегия О., обозначенная Дерридой, как «логика супплицитарности» являла собой классический пример логики дополнительности. Опираясь на собственную оригинальную философскую иерархию типов речевых актов, О. тем не менее

акцентировал особое внимание на исключениях из нее. В итоге, как отмечали критики, получалась иррациональная нелепица: стиль Хемингуэя в его собственных текстах, по мнению О., отсутствует, а возникает лишь в границах процедуры реконструкции этих текстов — причем в любых мыслимых формах последней. Теория речевых актов О. впоследствии использовалась во многих разделах философии языка. В голландской школе неформальной логики на ее базе выстроилась оригинальная теория аргументации.

А.Н.

Шуман, А.А. Грицанов